

Р.А. Бакиров
R.A. Bakirov

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ УЧЕНОГО-ЛИТЕРАТУРОВЕДА КАК КОМПЛЕКСНАЯ ПРОБЛЕМА

FORMING THEORITICAL VIEWS OF A LITERARY SCIENTIST AS A COMPLEX PROBLEM

В статье на нескольких примерах рассматриваются различные аспекты формирования научного сознания литературоведа. Выявляются связи ученого с окружающим его контекстом в разных формах его выражения. Анализируются факторы, влияющие, в том числе, на современное восприятие научного взгляда того или иного литературоведа. Сначала автор рассматривает общие закономерности формирования мировоззрения ученого. Выделяется несколько конкретных факторов, среди которых – исторический контекст, влияние литературоведческой школы, национальной специфики, особенности личности ученого. Отдельно представлена обусловленность литературоведения как науки идеологией конкретной эпохи. В статье приводятся примеры подобного взаимодействия как в XIX–XX вв., так и в современности. При этом постулируется последовательность и повторяемость общих принципов развития данной обусловленности. Актуальность работы объясняется ориентацией современной науки на междисциплинарность – она диктует необходимость исследования в том числе и истории междисциплинарных контактов, и в этом смысле понимание научного творчества любого литературоведа представляет собой яркий пример синтеза исследовательских методов и концепций. Взятый в диахронии «литературоведческий срез» позволит наметить в общем плане состав науки как системы. При этом для исследования, обобщения и анализа получаемых данных необходим комплекс методов научного исследования. Определенно значима функция методов сравнительных: с помощью сравнительно-сопоставительного метода явление мировоззрения ученого-литературоведа можно и нужно рассматривать в контексте других факторов культуры; сравнительно-типологический метод ориентирован на создание теоретической парадигмы анализа динамики картины науковедения. Кроме того, существенными представляются и данные генетического и историко-функционального методов. Первый – при рассмотрении формирования научного взгляда в историко-эволюционной перспективе, то есть – выявление и анализ основных закономерностей его возникновения, развития, современного состояния и перспектив. Второй, вкупе с системным подходом, – при изучении динамики реакции общественно-культурной жизни на тот или другой процесс, который происходил/происходит/будет происходить в культуре.

Ключевые слова: литературоведение, теория литературы, научный взгляд, контекст, детерминизм, ученый.

The article discusses various aspects of the formation of the scholarly consciousness of the literary scholar using several examples. The links of the scholar with the surrounding context in its various forms of expression are revealed. Factors influencing, inter alia, the contemporary perception of a particular literary scholar's view are analysed. The author first consider general regularities of the formation of a scholar's worldview. Several specific factors are singled out, including historical context, influence of the school of literary studies, national peculiarities, peculiarities of scholar's personality. Separately, the dependence of literary studies as a science to the ideology of a particular era is presented. The article provides examples of such interaction both in the nineteenth and twentieth centuries, as well as in modern times. At the same time, the consistency and repeatability of the general principles of the development of this conditionality are postulated. The relevance of the work is explained by the focus of contemporary science on interdisciplinarity - it dictates the necessity of research, including the history of interdisciplinary contacts, and in this sense, the understanding of scientific work of any literary scholar is a vivid example of synthesis of research methods and concepts. A "literary studies cross-section" taken in diachronicity will allow to outline in general terms the composition of science as a system. At the same time, a set of scientific research methods is needed to investigate, summarise and analyse the resulting data. The function of comparative methods is definitely significant: with the help of comparative method the phenomenon of literary scholar's worldview can and should be considered in the context of other cultural factors; comparative-typological method is focused on creating a theoretical paradigm for analyzing the dynamics of the science picture. In addition, data from the genetic and historical-functional methods are also essential. The first method is used when considering the formation of a scientific view in historical and evolutionary perspective, i.e., identifying and analysing the main regularities of its emergence, development, current state and prospects. The second, together with the systematic approach - when studying the dynamics of socio-cultural reaction to one or another process, which occurred / is occurring / will occur in culture.

Key words: literary studies, theory of literature, scientific perspective, context, determinism, scientist.

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-56-1-29-38

Формирование взгляда литературоведа как комплексное явление. Российское литературоведение является по своей сути единой системой со множеством структурных элементов, взаимно обуславливающих друг друга. Один из таких элементов – специфика формирования научного взгляда каждого отдельно взятого ученого. Проблема определения детерминирующих составляющих разного рода «влияний» неразрешима, а точнее, имеет бесконечное множество решений. Практически любой элемент мироздания так или иначе влияет на любого человека и отражается в его мыслях и поступках. Разумеется, литературовед не исключение, и поэтому задача нахождения всех факторов, повернувших в определенную сторону мысль ученого, заранее обречена на неуспех. Но мы можем, по крайней мере, очертить определенный круг основных из этих факторов и через них уже понять, хотя бы в самом общем виде, особенности развития научного взгляда ученого. Поэтому своей задачей мы ставим не полный обзор всех аспектов формирования концептуальных положений литературоведов, а лишь выделение наиболее интересных и важных с нашей (разумеется, в данном случае неизбежно субъективной) точки зрения их составляющих.

Если рассматривать формирование взгляда литературоведа как единую систему («текст»), то здесь необходимо выявить сначала наиболее общие, а затем уже частные ее элементы. При составлении общей типологической схемы мы можем принять условное

деление составляющих системы на два широких плана: первый мы назовем «реально-хронологическим», второй – «дискурсивным». В первом случае под введенным М.М. Бахтиным в отношении архитектоники литературного произведения понятием мы подразумеваем конкретно-исторический и топографический контекст; «дискурсивный» же план подразумевает влияние на формирование взгляда ученого собственно содержания текстов, с которыми он имел дело. Разумеется, границы между двумя этими планами весьма прозрачны, и они скорее глубоко взаимообусловлены, нежели противопоставлены друг другу, и только в анализе их единства можно раскрыть основные особенности формирования взгляда любого литературоведа², и в дальнейшем мы будем рассматривать «факторы влияния» в единстве выражения в них обоих планов. Именно благодаря взаимодополняемости и взаимодействию этих планов становится возможным появление качественно новых структурных элементов, содержательного богатства и индивидуальности взгляда каждого ученого-литературоведа (по проблеме соотношения в ходе такого рода процессов начал «универсальности» и «уникальности», через актуальную парадигму сравнительного литературоведения – см. недавнее исследование: [23]).

Важнейшей составляющей системы формирования научного взгляда нам представляется традиционно выделяемый и при анализе литературных, и при анализе литературоведческих фактов/явлений «исторический контекст». При этом спектр возможных контекстов и содержательных элементов здесь будет весьма широк – от «контекста эпохи» до контекста собственно биографического; от идеологического фона до журнальных споров (в панораме аналитического обзора достижений Казанской литературоведческой академической школы рубежа XIX–XX веков – см.: [3, 7–17]).

Необходимо помнить, что исторический контекст – явление живое, подвижное. Как уже отмечали многие ученые, каждый конкретный момент истории имеет свои собственные парадигматические структуры; факторы, влияющие на культуру, переходят из разряда периферийных в центральные и наоборот [13; 9; 25]. В этом ключе мы должны говорить о важности влияния на формирование взгляда ученого определенных исторических событий, которые представляются двигательной силой изменений этих структурных парадигм. Несомненно повышение важности данного фактора в XX веке, богатом на разного рода масштабные изменения. В российской истории таких моментов, значительно изменивших развитие литературоведческой мысли, было множество. Именно «революционный дух эпохи» стал катализатором появления формализма, кардинально нового по отношению к предыдущей «академической» традиции направления филологической мысли, во многом определившего все дальнейшее развитие русского литературоведения [20; 19].

Противоположного профиля пример в последующий ближний период – длительное влияние на науку сталинского периода (частным случаем в военный период можно считать явное и понятное заторможение гуманитарных исследований в это время, в т.ч. – частичное прекращение изучения и преподавания русско-германских связей в литературе, немецкой и

² Яркий пример невозможности такого разделения – рассматриваемый нами далее как фактор формирования научного взгляда «идеологический контекст». Явление это весьма сложное и требующее комплексного подхода: с одной стороны, при анализе такого контекста мы приходим к необходимости учитывать конкретно-исторические условия его бытования и влияния (ибо «идеология эпохи» существует в первую очередь как исторический факт – ср., например, такое родственное идеологическому фону явление, как «мода»); с другой стороны, в научном плане идеология проявляется уже на содержательном уровне как неперенная составляющая текстов (а тексты сами по себе уже являются основной формой ее реализации), повлиявших на взгляд ученого и отразившихся в его трудах, а это уже «дискурсивный» план, включающий в себя все множество текстов, созданных в рамках определенной схемы (в данном случае – идеологической).

романских культур и литератур, и т.д.³). Вместе с тем, не менее важно воздействие войны на формирование личности исследователя, пополнение «базы знаний» и, следовательно, научного взгляда ученых, непосредственно участвовавших в военных действиях. Наиболее показателен здесь пример Ю.М. Лотмана, прошедшего всю войну связистом на передовой. С одной стороны, война способствовала укреплению его волевых качеств и морально-ценностных установок, с другой – определенным образом даже развивала его некоторые научные и эстетические интересы [7, 29]. В связи с этим весьма показательно позднейшее доминирование в трудах Лотмана ссылок именно на немецко- и франкоязычных исследователей, а при сопоставительном анализе литератур – преимущественное внимание к французской и немецкой литературам.

Послевоенный период характеризуется относительно малым количеством масштабных исторических событий в СССР и целой чередой разного рода тревожащих в истории стран Европы. Ярким же примером влияния исторических изменений в первые десятилетия после Второй мировой на развитие литературоведческой мысли являются «революционные» изменения во французском обществе середины XX века. Студенческие волнения во Франции во многом совпали со взлетом теоретической мысли в литературоведении, и здесь правомерен вопрос о степени детерминированности второго первым. Уместно привести эмоциональные, но весьма показательные слова Антуана Компаньона о французской школе теоретиков этого периода, смысл и границы которого определяются автором «Демона теории» в привязке к сугубо исторически значимым политико-экономическим событиям, а не к каким-либо точкам научного или культурного контекста эпохи: «Может статься, что этот резкий скачок, происшедший в чудесные шестидесятые годы (фактически тянувшиеся с 1963 года, с конца алжирской войны, до первого нефтяного кризиса в 1973-м), позволил нам просто изобретать велосипед с наивной увлеченностью, создававшей иллюзию движения вперед» [11, 14]. Примечательно, что среди плеяды теоретиков, к творчеству которых в то время возрастает интерес и которых выделяет Компаньон, видное место занимает Мишель Фуко, известный и как активный общественный деятель, для научной методологии которого характерно отражение, в том числе, и его взглядов на насущные проблемные вопросы современного ему общества.

Как отдельный элемент системы формирования научного взгляда ученого-литературоведа стоит выделить и фактор личности ученого, специфики его душевно-психологических качеств. Непосредственно развитие личности происходит на протяжении всей жизни исследователя, но особенное место здесь занимает фактор воспитания в семье. С одной стороны, мы можем говорить здесь о подпитке и сознательном «вращении» филолога в семье – примеров этому множество [21; 5]. Отдельно стоит сказать об «академических» семьях, в которых ученые в необходимой атмосфере формировались и становились знаменитыми – ярким примером здесь будет служить семья Западовых-Кулаковых: в середине XX века известный исследователь русской литературы XVIII столетия А.В. Западов вступил в брак с не менее известной исследовательницей этой же литературной эпохи Л.И. Кулаковой, сын же их, В.А. Западов, также занялся изучением литературы XVIII века, причем, как и родители, преимущественно второй его половины. Другой характерный образец подобного внутрисемейного научного взаимодействия – семья Лотманов-Минц. Бесспорное влияние этих двух выдающихся филологов друг на друга отразилось не только косвенно, в формировании некоторых общих положений их концепций, но и в ряде совместных статей. Однако, с другой стороны, довольно часты

³ Впрочем, этот процесс начался еще в преддверие Великой Отечественной: вспомним здесь известное дело о «немецко-фашистской контрреволюционной организации на территории СССР», которое неофициально называют также «делом немцев-словарников», по которому проходило более ста человек, в 1935 году по нему был арестован и литературовед Б.И. Ярхо [1, XVI].

случаи, когда молодой исследователь идет «против семьи», среды, его воспитавшей, и занимается филологией вопреки желанию близких – здесь показательна ситуация с прославленным литературоведом В.Э. Вацуро, после школы по настоянию отца поступившим в медицинский институт, но по собственному желанию отчислившимся со второго курса за «несклонностью к естественным наукам».

Другим выражением «душевного мира» исследователя, мира, тесно связанного с его научным творчеством, следует признать религиозность в разных ее проявлениях. С одной стороны, мы можем говорить о наличии исследователей, твердо проводящих в свои работы свои убеждения – показательна здесь регулярно проводимая конференция «Православие и русская литература» [17]. Приведем описание одного из заседаний этой конференции: в более религиозном выступлении «диакон Виктор Пантин обратил свое слово к тем, кто видит, что в мире действуют и нарастают силы зла. В докладе "Православная критика русской классики" обрисован облик современного научного деятеля: его жизнь не может протекать вне церкви и без благодати Божией; богословское исповедничество должно восприниматься им как воцерковление ума. "Символ веры у нас в сердце, а не на кончике пера" " – так образно выразил идею доклада выступавший. Вслед за этим он остановился на различии позитивной академической науки и православной критики. Последняя судит о художественном произведении с точки зрения христианского идеала, а об авторе – с точки зрения того, насколько он умеет гармонизировать фрагменты тварного мира» [17, 223]; уже в более академичном стиле, но и «в унисон с выступлением диакона Виктора Пантина прозвучал доклад "Религиозное мировоззрение и филологическое исследование". Его автор П.Е. Бухаркин рассмотрел один из аспектов этой проблемы – взаимодействие мифотворчества и научных изысканий. Определив эрудицию не только как сумму знаний, но и как составляющую религиозного опыта исследователя, докладчик подчеркнул необходимость строго соблюдать принцип объективности при обращении с христианской литературой, дабы избежать анализа своих чувств и опыта вместо чужих. Филология, заключил докладчик, – наука о постижении другого "я", и с этим необходимо вступить в диалог» [17, 225]. С другой стороны, религиозность может быть выражена неявно, обнаруживается она при глубоком прочтении работ исследователя и соотнесении их с определенными религиозными положениями. Христианство и атеизм как важные основы научной картины мира соответственно М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана выделяет Б.Ф. Егоров, говоря об их мировоззренческих установках: «Авторы, создавшие труды на тему "Бахтин и Лотман", не касались глубинных основ их мировоззрения и мироощущения, а там различия весьма существенны. Прежде всего стоит говорить о религиозности Бахтина, неизменной на протяжении всей его жизни, и об атеизме Лотмана, идущем от семейного и общественного воспитания. <...> религиозность была основой творческого мировоззрения Бахтина. На ней строилась его этика; понятия греховности, вины, жертвы, искупления, благодати наполняют его труды» [7, 247]. В схожем плане, но уже о важности религиозности литературоведа-комментатора в смысле знания им необходимого контекста говорит и К.Г. Исупов, возводя эту традицию к герменевтическим исканиям еврейских толкователей [10].

С религиозным вопросом тесно связан и другой детерминирующий фактор развития научного взгляда, но уже в большей степени не «душевный», а социальный – проблема национальности исследователя. Здесь мы можем говорить о несомненной тематической ориентации исследователей прежде всего изучать литературу своего народа как наиболее доступную и понятную. В то же время национальность проявляется и в отношении становления литературоведческой методики. И.Ю. Светликова, в частности, отмечает важность семитской составляющей в формировании не только материальной базы молодого кружка формалистов, но и концептуального наполнения его теоретических положений: «Еврейское происхождение придает некоторую дополнительную логику позднейшей принадлежности Брика к формализму. Речь в данном случае идет не о прямой социологической зависимости между определенными чертами идеологии и национальными

особенностями <...>, но о зависимости косвенной и более простой. <...> Национальные проблемы подталкивали их [формалистов] друг к другу, формируя их круг, а значит, и концепции, поскольку последние вырабатывались в процессе постоянного общения. <...> По словам Омри Ронена, <...> Томашевский (в передаче Тарановского, а тот слышал от Якобсона) говорил: когда один еврей делается провизором, то все евреи становятся провизорами, когда один еврей делается стиховедом, то все евреи становятся стиховедами» [16, 126]⁴.

Применительно к формалистам важен и вопрос о литературоведческих школах. Изучение литературоведческих школ представляется одним из основных направлений в современной науке об истории литературоведения [15]. Одним же из главных факторов появления определенной школы как таковой мы должны назвать концентрацию группы ученых вокруг решения определенной темы, топографически обусловленной местоположением этой школы [14]. Каждая литературоведческая школа, с одной стороны, должна иметь своих учителей и учеников, то есть эволюционное развитие, с другой – определенный топографический центр, в пределах которого и происходит ее формирование: «Уточнение обстоятельств, предопределяющих утверждения, именуемые научными фактами, и предположения, именуемые научными гипотезами, – проблема, изучаемая сегодня в ряду науковедческих исследований, ведущихся по преимуществу в рамках социологии научного знания, а также культурологического и этнографического исследования научных практик. При всем различии теоретических и собственно историографических особенностей названных подходов, общим знаменателем для них является убеждение в контекстуализации научного знания «местными условиями», его «приурочением» (situatedness), локальной спецификой» [2, 232]. Другой немаловажный фактор появления школы – наличие у ее истоков крупного ученого, способного объединить усилия своих учеников, коллег вокруг определенного научного вектора [12].

Литературоведение и идеология.

Теперь перейдем к рассмотрению проблем на стыке литературоведения, идеологии (реализующейся под воздействием социально-политических запросов) и «чистой истории» как составляющих временной оси вышеупомянутого научного хронотопа. Стоит учитывать при этом общую условность разделения этих двух категориальных единиц. Как понимание истории невозможно без учета идеологии эпохи, так и идеология невозможна без исторического контекста, собственно, только в нем она и существует, и в привязке к конкретным историческим событиям реализуется и объясняется. Последним по времени типичнейшим примером такого взаимодействия будут Перестройка и развал СССР – как явления исторической жизни, резко сменившие идеологические ориентиры в науке. В литературоведении появилась возможность проводить исследования на запретные ранее темы⁵, открыто использовать «западные» или ранее маргинальные отечественные методы анализа литературы.

Характерной особенностью российского литературоведения с 1990-х годов по первые десятилетия XXI века является в данном контексте, например, и взрыв исследовательского интереса к феномену Серебряного века (о ряде закономерностей современного видения проблемы – см.: [24]), «когда о декадентах стало можно говорить без ритуальных ругательств, когда начали издавать Мережковского, Гиппиус, Розанова» [19, 7].

⁴ Также о национальной составляющей литературоведения в разных ее аспектах см. [7; 1].

⁵ См., например, появление сборников и монографий, а также переиздание сочинений дореволюционных исследователей на темы «Эротика в русской литературе», «Русская литература и масонство», «Христианство и русская литература» и т.д.; о негативном же восприятии этого явления как «вредном» для филологии – см. [9]. Кроме того, появляются такие свободные и ранее невозможные конференции, как, например, «Банальные чтения», организованные когда-то журналом «Новое литературное обозрение».

Показательно здесь изменение взглядов ученых на жизнь и творчество, казалось бы, вдоль и поперек исследованных в советское время писателей, таких, как Чехов, Толстой, Горький. Появляются конференции, сборники, монографии, посвященные их взаимоотношению с окружавшей их культурой, из которой они были вытеснены советским литературоведением.

Однако, как известно, смена идеологических векторов, «освобождение умов» от предыдущих моделей мышления неизбежно влечет за собой, особенно на начальном этапе, радикализм в отрицании прошлого научного и эстетического опыта. «Свобода всего», тотальный плюрализм и ревизия открытий советского литературоведения привели в девяностые, с одной стороны, к явному количественному росту исследований псевдонаучных или претендующих на новое «истинное видение и понимание» законов мироустройства, с другой – к почти полному прекращению изучения определенных тем, произведений, писателей и негласному запрету практики ленинско-марксистского анализа, что в принципе обеднило литературоведение как науку, предполагающую множественность методов и подходов. Здесь показателен пример из чеховедения: «конец века так долго рассматривался в советском литературоведении *sub specie* Чехова, что новое литературоведение, сосредоточившее свои усилия на реконструкции русского символизма и постсимволизма и на изучении авангарда, инстинктивно обходило его стороной» [19, 9]. Что уж говорить здесь о приостановке массового изучения «пролетарски-одобренных» писателей, даже позднего Горького, Маяковского и многих других. Схожую картину влияния на литературоведов социально-политической идеологии мы видели в истории русской науки неоднократно. «Интеллектуальный» фон эпохи оказывается своеобразным подсознательным палимпсестом, на базе которого строится мышление ученого.

В этом аспекте также во многом именно особый контекст определенной эпохи представляется той доминантной призмой, сквозь которую формировалась, например, научная личность казанского литературоведа Н.Н. Булича: «Научные интересы Н.Н. Булича широки и многообразны. Ему принадлежат труды не только по истории литературы, но и по истории философии, просвещения, образования. Их общему успеху способствовал единожды выбранный научный подход к изучению материала. Этот научный подход определялся мировоззрением Булича – мировоззрением интеллигента-просветителя, "либерала 60-х годов" (в прогрессивном значении этого слова), "западника" по убеждениям. Он отразил его позицию ученого-гуманитария...» [18, 70]. Интересно здесь выделение как характерной черты формирующегося исследовательского метода ученого-литературоведа особого «мировоззрения», являющегося своеобразным «мировоззрением эпохи», мировоззрением целого слоя «интеллигентской» культуры середины XIX века. Определенно важно в данном случае и то, что общим фоном научных исследований становится во второй половине XIX века философия. В отношении Н.Н. Булича, например, этот факт важен вдвойне: казанский литературовед сначала защитил диссертацию по философии и лишь затем стал активно заниматься литературоведческой наукой, на ниве которой он и прославился. В более же глобальном плане в этот период именно философия позитивизма И. Тэна стала базой для развития крупнейшего направления российского литературоведения – культурно-исторической школы.

В такой же степени об определенной важности научного контекста мы можем говорить применительно к ситуации в литературоведении начала XX столетия. Доминирующим «научным фактором» становится глобальный психологизм, воцарившийся в гуманитарных науках. На рубеже веков психология и философия нередко практически не разводились и считались одной наукой. В итоге «предполагалось, что психологи создали определенную базу для гуманитарных наук, которые, в свою очередь, могут пролить свет на предмет психологии» [16, 31–32]. Психология и философия нашли отражение в работах другого представителя Казанской школы русского академического литературоведения – Е.А. Боброва. Даже вопрос об окончательном причислении Е.А. Боброва к какому-либо определенному разделу гуманитарного знания (философии, психологии, истории,

филологии, и т.д.) до сих пор остается открытым и, возможно, даже излишним. «Своим» Е.А. Боброва могут с полным правом считать представители всех этих наук: им были написаны диссертации и множество работ по философии и литературоведению, отдельные труды ученых посвятил философским аспектам психологии и краеведению.

Типичнейшим примером взаимодействия психологии и литературоведения является, как бы странно это ни звучало, но как убедительно доказывает в своей монографии И.Ю. Светликова [16], формирование научного взгляда литературоведов-основателей русской формальной школы – В.Б. Шкловского, Ю.Н. Тынянова, Р.О. Jakobsona, Б.М. Эйхенбаума, О.М. Брика. Все они так или иначе испытали влияние психологических концепций или терминологических оборотов, и целый ряд идейно-концептуальных установок формалистов во многом явился следствием переработки находок предшествовавших им психологов или отталкивания от них, но «на их же поле» – дискуссия формалистов и психологов (зачастую заочная, а иногда и вовсе подсознательная) обычно шла в пределах той научной парадигмы, которую наметили вторые. При этом в данном случае мы можем говорить о большей «живучести» литературоведческих концепций по сравнению с породившими их более глобальными на тот момент психологическими. Мы можем наблюдать здесь реализацию известной диалектической модели, когда новое рождается из отрицания старого, и процесс этот по сути своей бесконечно продолжителен. Интересно, что закон этот действует и развивается и уже внутри литературоведения в пределах этого же научного контекста. Так, например, именно на критику формализма в значительной мере был ориентирован Бахтин на раннем этапе своего научного творчества. Кроме того, что выделяет Бахтина среди российских литературоведов XX века и составляет основу его методологии, он так же, как и, например, Н.Н. Булич, Е.А. Бобров, начинал свою «научную карьеру» в философии (переживавшей, одновременно с психологией, на закате Серебряного века, который молодой Бахтин еще застал, свой последний «гуманитарный пик», когда к ней обращались все сферы культуры и науки). Соответственно, бесспорна важность в становлении его научного взгляда двух последних компонентов идеологического фона науки.

В дальнейшей истории русского литературоведения, уже в его советский период, мы можем говорить о первичной важности для науки «научной моды», реализовавшейся в смене методологических подходов. Этот научный контекст был непосредственно связан и с контекстом государственно-идеологическим. Здесь удобно проследить развитие этих категорий в отношении их влияния на раскрытие с разных сторон одного определенного предмета исследования. С такой точки зрения, в частности, рассмотрел историю исследования «Евгения Онегина» в советскую эпоху Е.Г. Эткинд, отметив несколько этапов развития «мировоззрения сменявших друг друга эпох» [22, 447]. К концу XX века кризис прежних идеологических установок привел к доминированию синхронно-структуральных исследований, с одной стороны, с другой же – к увеличению накоплениями архивных открытий, новых публикаций разного рода реальными комментариями. Отход от марксистского или, точнее, гегельянского историзма повлек за собой отрицание материалистического, а заодно и исторического объяснения как объективной действительности, так и ее художественного отражения. Стали появляться литературоведческие сочинения, проникнутые мистицизмом чаще всего христианского, православного толка. Разумеется, историко-литературные исследования продолжали публиковаться (как, например, статьи и книги Н. Эйдельмана или того же Ю. Лотмана), но они нередко воспринимались как странные анахронизмы; характерными для эпохи постструктурализма оказались работы В. Турбина и В. Непомнящего [22, 446].

Однако в работах по истории литературоведения мы можем видеть и другой подход к рассмотрению феномена взаимодействия идеологии, методологии и науки – показательна здесь известная статья М.Л. Гаспарова, посвященная как раз взаимодействию этих составляющих в творчестве Ю.М. Лотмана: «Идеология победившего марксизма решительно не совпадала с методом борющегося марксизма, но это тщательно скрывалось.

Лотман относился к марксистскому методу серьезно, а к идеологии – так, как она того заслуживала. А известно, для догмы опаснее всего тот, кто относится к ней всерьез. Официозы это и чувствовали. Когда Лотман начинал анализ стихотворения с росписи его лексики, ритмики и фоники, он строго держался правила материализма. <...> Никакое самое высокое содержание вольнолюбивого или любовного стихотворения Пушкина не может быть постигнуто в обход его словесного выражения. <...> Метод марксизма и вправду требовал от исследователя доказательств (альбомный девиз Маркса был: "во всем сомневаться"). Но идеология предпочитала работать с очевидностями: иначе она встала бы перед необходимостью доказывать свое право на существование» [6, 486]. Как видим, Гаспаров отмечает именно тот «зазор» между идеологией и методом, из которого и прорастает литературоведческое знание, воплощенное в данном случае в лотмановской методологии.

В итоге, даже исходя из немногочисленных приведенных выше примеров, мы можем говорить о несомненной важности и необходимости понимания многосоставного и неоднородного «идеологического» фактора как единой системы, состоящей из множества структурных элементов. На первый взгляд, эти элементы-«контексты» могут показаться лежащими вне идеологического поля (как, например, «научный контекст» эпохи), однако при внимательном рассмотрении выявляется их несомненная принадлежность к сфере идеологии, пусть и в несколько измененном ее понимании.

Множественность структурных составляющих при рассмотрении науки о литературе как единой системы, обусловленной несколькими детерминирующими факторами, определила некоторый специфический «разнобой» аспектов, взятых нами для рассмотрения. Разумеется, те особенности формирования научного взгляда литературоведа, которые мы взяли для представления в качестве основных, далеко не исчерпывают весь список таких влияний и даже наоборот, являются лишь некоторым «раздражителем» для дальнейшего глубокого изучения данной проблемы. В частности, мы можем говорить о необходимости понимания таких дополнительных аспектов, формирующих научное творчество литературоведа, как: специфика педагогической деятельности ученого (вспомним здесь А.Н. Пыпина, огромный объем текстов которого исследователи объясняют во многом освобожденностью ученого от преподавательской деятельности и вследствие этого возможностью концентрации всех усилий и времени на науке); отношения ученого с искусством (характерный пример – взаимодополняющий синтез художественных поисков формалистов и футуристов); гендерный аспект (выдвинувшийся на первый план лишь недавно и уже показавший, что в «сугубо гендерных» работах женщины зачастую пишут о писателях-женщинах); возможность и умение ученого осваивать и применять в своих работах новые технические средства (наиболее актуально это в сфере стиховедения, сделавшего значительный скачок в компьютерную эру за счет упрощения подсчетов на машине) – в целом, все направление Digital Humanities и т.д. Таким образом, как видим, необходимо дальнейшее исследование заявленной нами темы в самых разных аспектах, способных полнее раскрыть особенности формирования научного взгляда ученого-литературоведа.

1. Акимов М.В., Шапир М.И. Б.И. Ярхо и стратегия «точного литературоведения» // Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы. М., 2006. С. VII–XXXII.
2. Богданов К.А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006.
3. Воронова Л.Я. Проблематика и формы литературоведческих исследований А.С. Архангельского на страницах «Ученых записок Казанского университета» // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 156. Казань, 2014. С. 7–17.
4. Русское литературоведение в Казанском университете: Библиографический указатель. Казань, 2011. С. 15–19.

5. Гаспаров М.Л. *Записи и выписки*. М., 2008.
6. Гаспаров М.Л. Ю.М. Лотман: наука и идеология // Гаспаров М.Л. *Избранные труды*. Т. 2. М., 1997. С. 485–493.
7. Егоров Б.Ф. *Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана*. М., 1999.
8. Ерасов Б.С. *Цивилизации. Универсалии и самобытности*. М., 2002.
9. Есипов В. «Все это к моде слишком близко...» (Об одной литературоведческой тенденции) // *Вопросы литературы*. 2006. № 4. С. 47–66.
10. Исупов К.Г. *Внеаходимость комментатора* // *Российская словесность: эстетика, теория, история: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию проф-ра Б.Ф. Егорова*, 24–25 апр. 2006 г. Самара, 2007. С. 33–42.
11. Компаньон А. *Демон теории*. М., 2001.
12. Кормановские чтения: статьи и материалы Межвуз. науч. конф. к 25-летию памяти проф. Б.О. Кормана (Ижевск, апрель, 2008). Вып. 7 / ред.-сост. Д.И. Черашня. Ижевск, 2008. С. 290–293.
13. Лотман Ю.М. *Статьи по семиотике культуры и искусства*. СПб., 2002.
14. Милузина Е.Г., Строзанов М.В. *Гений вкуса: Н.А. Львов. Итоги и проблемы изучения: монография*. Тверь, 2008.
15. *Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): библиографический словарь / сост.: Л.Я. Воронова, М.М. Сидорова; науч. ред. Л.Я. Воронова*. Казань, 2011.
16. Светликова И.Ю. *Истоки русского формализма: Традиция психологизма и формальная школа*. М., 2005.
17. Сергеева О.А. IV Конференция «Православие и русская культура» // *Русская литература*. 1997. № 4. С. 223–226.
18. Сидорова М.М. *Н.Н. Булич как исследователь русской литературы: дисс. ... канд. филол. наук*. Казань, 1997.
19. Толстая Е. *Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880 – начале 1890-х годов*. М., 2002.
20. Ханзен-Леве О.А. *Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа острашения*. М., 2001.
21. Чудаков А.П. *Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия*. М., 2012.
22. Эткинд Е.Г. *Психопоэтика*. СПб., 2005.
23. Amineva V.R. "Universal" and "Unique" as the Categories of Comparative Literature // *Middle-East Journal of Scientific Research*, 2014, 20(12). P. 2094–2098.
24. Krylov V.N. History of Russian Silver Age literature-centrism crisis// *Life Science Journal*, 2014, Volume 11, Issue 10s. P. 399–401.
25. Pashkurov A.N., Razzhivin A.I. Literary culture as a dialog of contradictions and reconciler (basing on review of poetics of Russian literature of XVIII – beginning of XIX century) // *Life Science Journal*. 2014, 11(8s). P. 120–124.